

Наталья
Доманчук

ТАРИФ НА СЧАСТЬЕ

Мужские истории

Женские истории (ООО Центрполиграф)

Наталия Доманчук

Тариф на счастье

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Доманчук Н. А.

Тариф на счастье / Н. А. Доманчук — «Центрполиграф»,
2021 — (Женские истории (ООО Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09640-1

Алена была в семье нелюбимым ребенком, все детство на нее сыпались побои и проклятия. Окончив школу, она сбежала из дома и начала новую жизнь. Но у невзрачной, неуверенной в себе девушки было мало шансов на счастье. К яркому, красивому Диме Алена потянулась всей душой, словно почувствовала в молодом, уверенном в себе мужчине – любимце женщин – глубокую, затаенную боль. Но он, успешный бизнесмен, всего добившийся сам, и в мыслях не допускал ответить на чувство девушки, презирая ее покорную бесхребетность. Но любовь все терпит, все преодолевает, все прощает и, порой, находит неожиданные пути к израненному сердцу любимого человека...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09640-1

© Доманчук Н. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Любовь долго терпит	6
Любовь не ищет своего	10
Любовь не мыслит зла	11
Любовь не радуется неправде, а сорадуется истине	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Анатольевна Доманчук

Тариф на счастье

© Доманчук Н.А., 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

Любовь долго терпит

Алена несмело обратилась к подруге:

– Марин, слушай, тут такое дело...

Марина, в нарядном платье и колготках в сеточку, сидела на заправленной кровати и бездумно смотрела в книгу, которую за час ни разу не перелистнула. Она все еще надеялась, что Дима объявится.

– Прости, я знаю, что он тебя обидел и ты не хочешь о нем говорить...

– Вот и не начинай! – грубо бросила Марина.

– Я просто видик хочу купить. А они продают их, я слышала.

– И что ты от меня хочешь? – Марина захлопнула книгу и швырнула ее на соседнюю кровать.

– Адрес, – тихо пробормотала Алена и добавила: – Пожалуйста.

– Дура! Тебе не адрес нужен, а этот слащавый Димочка. Неужели ты правда веришь в то, что меня он не полюбил, а тебя полюбит? Ты хоть в зеркало на себя смотришь иногда?

Алена сникла, сглотнула обиду:

– Нет.

Она ненавидела зеркало. Потому что ничего хорошего там отродясь не видела: узкое лицо, огромная папиллома у вздернутого острого носа, маленькие вечно испуганные глазки, широкий, как у лягушки, рот.

– А ты взгляни! У него знаешь какие бабы!

– Я видик родителям хочу подарить, – упрямо твердила Алена.

Марина вскочила, со злостью схватила со стола газету и грубо ткнула пальцем в объявление в синей рамочке:

– Вот. Ремонт аппаратуры. Звони и узнавай сама. Я никогда у него на работе не была.

Алена схватила в руки газету и попыталась принять безмятежный вид, но так обрадовалась, что не сдержалась и улыбнулась, рассматривая мелкий шрифт.

На следующий день она легко нашла мастерскую: та располагалась прямо напротив входа в метро, на первом этаже многоэтажки. Это было просторное помещение с высокими потолками, заставленное стеллажами. Все полки были забиты старой аппаратурой, справа от входа над столом склонились два парня: один из них паял микросхему, второй каким-то красным прибором тестировал старый радиоприемник. В комнате было накурено и пахло чем-то непонятным, но приятным: сладким, бальзамическим, с отчетливой ноткой хвои и смолы.

Слева, за другим столом, заваленным различной электроникой, сидел Давид, лучший друг Димы: полный черноволосый паренек. Перед ним лежал монитор, похожий на маленький телевизор: он был наполовину разобран, и парень пинцетом доставал детали и укладывал их на столе. Он совсем не удивился, когда увидел девушку.

– Привет, Ален. Димы нет, уехал по делам. Ты что-то хотела?

Конечно, Алена могла сказать Давиду, что хочет купить видеоманитофон, но тогда бы ей не удалось увидеть Диму, поэтому она быстро замотала головой и пробормотала:

– Я позже подъеду.

И выскочила из мастерской.

Возле метро она уселась на грязную скамейку, подняла воротник старенького пальто и решила во что бы то ни стало дожидаться Диму. Было прохладно, мелкая противная морось кусала лицо, Алена мрачно смотрела на неухоженный двор и кривую дорожку, ведущую к мастерской. Ветер пронизывал до самых костей, низкое небо нависало серыми тучами, прохожие месили грязь, превращая ее в жидкую серую кашу.

Наконец, через час ожидания, Алена увидела подъезжающий к мастерской красный автомобиль: за рулем был Дима. Он выскочил из машины и, открыв другую дверь, подал руку красивой элегантно блондинке. Та прильнула к нему: он одной рукой ухватил ее за ягодицы, другой захлопнул дверцу, и парочка зашла в подъезд.

Алена безнадежно вздохнула и с чувством обреченности поплелась к метро.

Но на следующий день после занятий она опять поехала в мастерскую к Диме. Красного автомобиля у подъезда не было, Алена присела на знакомую скамейку у метро и стала ждать. Сегодня было чуть теплее, чем вчера, но она все равно озябла. Наконец-то показался красный жигуленок; из него стремглав выскочил Дима и забежал в мастерскую.

Алена выдохнула, решительно направилась следом и уже через несколько секунд открыла заветную дверь.

Дима обернулся и, как ей показалось, немного разочарованно оглядел ее с ног до головы.

– Привет, – смущаясь, поздоровалась Алена.

Он вытащил из кармана пачку сигарет, достал одну и не спеша сунул в рот.

– Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут?

– Алена.

– Да, точно, Алена. Чем могу помочь? – Он чиркнул зажигалкой, поднес огонек к сигарете, затянулся и устало посмотрел на гостью.

– Я хочу родителям видеомэгагнофон купить... думала, что ты сможешь помочь...

Он опять кинул взгляд на ее растоптанные сапоги и страшненькое пальто и, развернувшись, пошел к стеллажу.

Алена поплелась за ним и кивнула в знак приветствия Давиду: парень сидел на том же месте, что и вчера.

– Привет, Ален. – На полном лице Давида появилась дружелюбная улыбка.

– Вот, смотри, есть «Электроника-12», – Дима подошел к стеллажу и небрежно ткнул пальцем на один из аппаратов. – Практически новая.

Алена быстро кивнула и спросила:

– Сколько стоит?

– За полторы продам.

Она растерялась:

– Полторы? Это чего?

Дима рассмеялся:

– Полторы тысячи рублей.

Ее глаза округлились.

– Это немного... дорого для меня.

– А сколько у тебя есть? – Он глубоко затянулся сигаретой и выпустил дым через нос.

– Ну, сто или двести рублей.

С его губ слетел веселый, но немного раздраженный смех.

– У нас даже кассета к видеку стоит дороже.

Она растерянно уставилась на него.

– Иди, собирай денежку, как соберешь – приходи. – Дима подошел к пустому креслу, сел и забросил ноги на стол.

Алена еще раз машинально кивнула и пошла к двери.

– Пока, Ален!

Это произнес, конечно же, Давид, и он же слегка махнул ей на прощание.

Когда за ней закрылась дверь, Давид строго посмотрел на друга и спросил:

– Зачем ты так?

– Еще я на это пугало свое время не тратил! – раздраженно бросил Дима.

– Нормальная девчонка, могли бы и за штуку отдать.

– Чего? Ты в благотворителя решил поиграть? Тогда почему бы тебе не жениться на ней!?

Давид покрутил пальцем у виска и поднес паяльник к схеме. Дима откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Алена тем временем плелась домой. Она совсем забыла, что приехала на метро, ей просто надо было сейчас двигаться, куда-то идти, главное – не стоять на месте, потому что слезы душили ее изнутри и волнами наворачивались на глаза. Она шла, пошатываясь, и думала только о том, где заработать денег.

Так она добрела до общаги, рухнула на кровать и наконец разрыдалась. Слезы иссякли не скоро, но на душе стало чуть спокойнее. Она пришла к выводу, что на свете нет нерешаемых задач, она тоже справится со своей и купит этот видик. И пусть Дима поймет, что она не дура и денег может заработать, и... дальше она не знала, не понимала, что еще может. Как его заинтересовать? К сожалению, Алена видела только один путь – удивить его тем, что она может себе позволить купить видеомэгаффон. Возможно, после этого он хоть чуть-чуть проникнется к ней уважением?

Несколько дней подряд она расспрашивала всех знакомых, и ее однокурсник и сосед по общежитию Слава, когда узнал, что у Алены есть диплом кулинарного училища, предложил ей поехать с ним на все лето на Колыму. Он третий год подряд ездил туда золотодобытчиком и не раз был свидетелем, как из-за красивой поварахи в бригаде начинались конфликты. Зато Алена – скромная, тихая и испуганная, некрасивая и молчаливая – идеально подходила, чтобы получить место повара.

А пока она довольствовалась тем, что каждый день наблюдала за Димой со скамейки возле метро.

Одного взгляда ей было достаточно, чтобы жить дальше, чтобы проживать этот день, глупо улыбаясь, вспоминая его синие глаза и уверенную походку.

В октябре 1986 года она вернулась в Москву с деньгами. Ей хватило средств даже на новое серенькое пальто и малиновый берет с большим помпоном.

Первым делом она помчалась в мастерскую.

Машина была у подъезда, дверь в мастерскую – открыта. Дима с Давидом были одни, они что-то обсуждали и громко смеялись.

Давид ей сразу помахал и сказал «Привет», а Дима снова одарил равнодушным взглядом, осмотрев с ног до головы, и спросил:

– Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут?

– Алена. – Она еле выговорила свое имя.

– Что хотела, Алена?

– Видик купить. Вот, тысяча пятьсот рублей. – И она протянула ему деньги, завернутые в носовой платок.

Он брезгливо развязал узелок и посмотрел. Как-то разочарованно хмыкнул и кивнул на стеллажи, бросив Давиду:

– Давай, покажи ей, – а сам уселся за стол.

Она растерянно подошла к Давиду. Дима, сразу потеряв к ней интерес, пододвинул к себе телефон, накрутил на диске чей-то номер и произнес:

– Солнышко, ну что, встретимся сегодня? Я ужасно соскучился. Жду не дождусь нашей встречи.

Давид как-то неуверенно пожал плечами и тихо спросил:

– А он тебе точно нужен?

Алена даже не сразу поняла, что Давид имеет в виду видеомэгаффон: подумала, что речь идет о Диме. Хотя в тот момент даже сам Давид толком не знал, о чем спрашивает.

Дима, положив трубку, быстро подошел к ним, снял со стеллажа бежевую коробку и протянул ей. Алена испуганно обхватила ее обеими руками, а Дима вдруг снисходительно приоб-

нял девушку за талию и повел к выходу. Алена чуть не потеряла сознание от такой близости, чувствуя его дыхание и запах одеколona. Открыв дверь, он нагло произнес:

– Надеюсь, ты у нас уже все купила и в ближайшие сто лет мы тебя не увидим?

Выставив ее за дверь, он раздраженно плюхнулся на стул и наблюдал в окно, как она медленно бредет к метро.

Давид вздохнул:

– Ты хоть понимаешь, как сильно она влюблена в тебя?

– Дава, у меня к тебе все тот же встречный вопрос: жалко? Женись! – Он чертыхнулся. – Я уже подумал, что ее отпустило, все лето не было. А тут опять. И еще с деньгами.

– А ты не подумал, что все это лето она их зарабатывала, чтобы купить твой видак?

– Угу. И еще копила на этот уродливый красный берет. И что я должен делать? Встречаться с ней из жалости к ее помпону, который так похож на ее огромную родинку?

– Видак не надо было продавать. Он же ей не нужен...

– Очень надеюсь, что ей будет хороший урок. Блин. Бесит. Вообще у бабы гордости нет никакой. Ненавижу таких беспринципных.

– Да ты и с горячками поступаешь так же, – зло высказался Давид.

– И никто учиться на своих ошибках не хочет, да, Дав? – Дима засмеялся.

Алена совершенно не помнила, как добралась до общежития. Так же смутно осталось в памяти, что в ее комнате собрались студенты с этажа и смотрели какие-то фильмы и днем и ночью. А через неделю ее видеомagnитoфон пропал, и она даже не искала вора. Да и денег ей было не жалко. Она все равно продолжала ходить к метро и смотреть, как Дима красиво живет и развлекается с другими девушками.

Любовь не ищет своего

1993 год подходил к концу.

Оставалось всего две недели до Нового года, в воздухе уже пахло праздником, жители мегаполиса ждали чуда и надеялись на лучшую жизнь.

Дел в офисе у Димы и Давида было по горло. Этот год принес им много денег. Кроме ремонтных мастерских и продажи всевозможного оборудования, уже два года как существовало их охранное агентство: клиентов было миллион, и друзья выкупили огромный офис в Китай-городе. У них в команде трудилось более двадцати сыщиков, которые могли достать любую информацию из-под земли. Друзья легко договаривались и с местной братвой, и с милицией – благодаря терпению и доброжелательности Давида. Но и открывали для себя масштабные новые перспективы развития бизнеса – благодаря наглости, тщеславию и неумному энтузиазму Дмитрия. У них была отличная, давно слаженная команда, где каждый отвечал за свои направления и решал навалившиеся проблемы. Они уважали друг друга и любили, как могут любить самые близкие друзья на свете.

В этом году они приватизировали по две квартиры в центре: Дима жил в Филипповском переулке в шестикомнатных хоробах. На этом же этаже у него имелась трехкомнатная квартира, в которой он только закончил ремонт.

Давид приватизировал огромную жилплощадь в Малом Афанасьевском переулке, всего в ста метрах от дома друга. Он сделал евроремонт и сейчас вел переговоры с жителями коммунальных квартир в том же здании на первом и третьем этажах, чтобы расселить их и выкупить дом целиком.

Они много и с удовольствием работали, а вечерами развлекались как могли.

Тем предновогодним вечером они поехали отдохнуть в клуб «Джамп». Хотя назвать его клубом можно было лишь условно – внутренним убранством и дизайном никто из хозяев не заморачивался. Свет там был совершенно незамысловатый, звук тоже никудышный, хотя на танцполе иногда выступали знаменитые певички и певцы. Все гости сидели на шатких пластмассовых стульях и за такими же столами, что скорее напоминало обстановку уличного кафе. Это было просто место встречи, где собиралась разношерстная публика: проститутки, бизнесмены, модная молодежь и творческая богема. Именно это разнообразие и привлекало Диму – он легко заводил новые знакомства и для ночи, и для бизнеса. Давиду больше по душе были закрытые дискотеки, где он знал почти каждого посетителя.

Друзья прекрасно провели время и сейчас направлялись по домам на своем новеньком шестисотом «мерседесе». За рулем был Дима.

Они проехали по Комсомольскому проспекту, пересекли Садовое кольцо и выехали на Остоженку.

Было морозное субботнее утро, мелкий сухой снег покрывал нечищенные тротуары.

На опустевшей улице возле пешеходного перехода Давид увидел женщину с двумя маленькими детьми. Она держала их за руки и хотела перейти дорогу.

– Пропусти ее, притормози, – попросил он друга.

Дима остановил «мерседес» в паре метров от зебры, женщина кивнула в знак благодарности и повела детей на другую сторону. Дворники на автомобиле бешено раздирали снег на две части, а Дима с Давидом уставились сквозь лобовое стекло на женщину. Не узнать ее было невозможно: Алена была без шапки, с той же пепельной гулькой волос на макушке и уродливой папилломой у носа. Друзья переглянулись, и у каждого по спине пробежал холодок. Руки Димы на руле задрожали. Женщина перешла дорогу и скрылась за перекрестком, уводя за собой двух мальчиков в одинаковых голубых курточках.

Любовь не мыслит зла

– Я не понимаю, она что, нравится тебе? – грубо спросил Дима у друга.

– Не разочаровывай меня еще больше, пожалуйста. Она не может мне нравиться как женщина, потому что она твоя.

Дима с Давидом стояли напротив друг друга в офисе и, как стрелы, метали слова. Предложения отскакивали, как мячи, они затачивали буквы, как копья, и каждый считал себя правым.

– Эта Алена на хрен мне не нужна!

– Возможно. Но дети тебе нужны. Они твои. И если ты откажешься от них, то я стану им отцом.

– Дава, какого хрена ты лезешь в мою жизнь?

– Такого же хрена, как ты залез в мою.

– Да пошел ты! Ты собирался жениться на бабе, которая была влюблена в твою квартиру с крутым видаком и теликом. Я спас тебя!

Это было два года назад. Давид порезал палец и забежал в аптеку купить пластырь. Девушка-провизор стояла у кассы с полными слез глазами.

Плешистый грузный мужик, скорей всего босс, отчитывал ее:

– Сначала надо выбить эту сумму, потом уже сюда нажимать. Сколько можно тебя учить? Иди работай!

Давид улыбнулся ей:

– Два пластыря, пожалуйста. Палец вот порезал.

Она кинула взгляд на рану, потом на уходящего в подсобку босса. Затем подбежала к полочке, взяла какую-то бесцветную жидкость и кусочек ватки.

– Давайте быстренько ваш палец.

Давид протянул ей руку. Она аккуратно намочила ранку жидкостью и прилепила пластырь сверху.

– Вот еще один с собой возьмите. Рана неглубокая.

– До свадьбы заживет? – спросил Давид.

– А когда у вас свадьба? – поинтересовалась девушка.

– Мы еще не решили. Я только сегодня с ней познакомился.

Она сначала не поняла его шутку, но он добавил:

– В аптеке.

Девушка растерянно на него посмотрела, но все же улыбнулась.

– Поужинаем сегодня вечером? – улыбаясь, предложил Давид.

Девушка, нахмурившись, отвела глаза, чуть надула пухлые губки и смилостивилась:

– Ладно.

Девушку звали Ксюша. Светлые волосы, маленькая, худенькая, зеленые лисьи глазки и пухлый рот. Когда она улыбалась, на щечках появлялись ямочки.

Давиду она понравилась сразу. Нет, это была не та огромная любовь навсегда, от которой захватывает дух. Это была тихая гавань, куда можно было вернуться после трудового дня, нырнуть и насладиться девичьей молодостью и оптимизмом.

Давиду исполнилось уже тридцать пять, он знал, что дальше тянуть нельзя, и если он не женится в ближайшее время, то этого уже не случится никогда.

Он и сам не понял, как полжизни прошло. Вот вроде они с Димой только вернулись из армии, поступили в Московский электротехнический институт связи для обучения по специальности «Организация механизированной обработки экономической информации», получили

по диплому, поработали пару лет в НИИ, захотели заработать денег и поехали на два года на БАМ...

Потом было возвращение в Москву, открытие небольшой мастерской по ремонту оборудования, а дальше как в тумане: работа, гулянки, деньги, опять гулянки, большие деньги, беспорядочные связи, бесполовые знакомства. И вроде денег море, и работа интересная, и жизнь яркая, но вот как-то впустую это все. Не было того теплого щемящего чувства, как в детстве, когда он забирался к маме на коленки, а она гладила его и говорила:

– Сыночек мой родненький, мальчик мой сладкий.

Давиду хотелось именно этой нежности. Не хватало ее, и он повсюду искал, оглядывался, всматривался. И вот, как ему показалось, нашел.

Они начали встречаться каждый вечер. Сначала Давид скрывал, что у него водятся деньги. И на все ее вопросы «Где ты живешь?», «В каком районе?», «А сколько ты зарабатываешь?» старался не отвечать, изворачивался как мог.

Но долго скрывать такое невозможно, да и хотелось близости. Не снимать же номера в отеле или в сауне, как он делал с другими девушками?

И Давид пригласил Ксюшу к себе.

Квартира находилась в центре, в переулках Арбата: большая гостиная с кожаной мебелью, телевизором, видеомэгаффоном и другой аппаратурой, две спальни, шикарная кухня и ванная с автоматической стиральной машиной.

Ксюша старалась держать лицо и не показывать, насколько она потрясена его жильем.

Давид не знакомил девушку с другом целых два месяца: не специально, просто так получалось – то он был занят, то у Димы были другие планы на вечер. И только когда Давид заговорил, что у него серьезные виды на Ксюшу, Дима сразу нашел время познакомиться.

Встреча была назначена у Давида дома. Ксения сама предложила приготовить ужин. Она очень старалась: заранее замариновала мясо, потом запекла его в духовке, с овощами, и сделала несколько салатиков. Закончив с готовкой, она надела строгое платье ниже колена и с нетерпением стала ожидать друга жениха. Она понимала, что эта встреча, возможно, решающая. И друг Давида очень важная персона, и дружба между ними чуть ли не на века.

Диме хватило одного взгляда на Ксюшу, чтобы понять: любви к Давиду она не питает, а вот квартира и все остальное, что имелось, ей очень по душе. Кроме того, девушка пыталась держать себя в руках и не тарачиться на Диму, но ей это слабо удавалось. Так что даже Давид заметил это и слегка усмехнулся...

Конечно, Дима мог пойти ва-банк, разыграть пьесу, в которой он вдруг влюбляется в невесту лучшего друга. Ксюшенька бы с удовольствием обнаружила, что тоже влюблена. Если уж выбирать между просто красивой жизнью и такой же шикарной жизнью с невероятным красавцем, от которого у нее дух захватывало, то, конечно же, она бы выбрала второй вариант. При этом сценарии было плохо лишь одно: Дима задел бы и самолюбие Давида, и его гордость.

Но и отдавать лучшего друга ловкой продажной шкуре он не собирался, поэтому незаметно подсунул жучок в каблук сапога Ксюши.

Уже на следующий день он принес Давиду аудио запись.

«– Я тебя умоляю, – пела Ксюша в телефонную трубку, надевая свои кожаные сапожки, которые неделю назад купил ей жених, – ну какая тут может быть любовь? Нет, он славный, хоть и похож на Винни-Пуха, но трахаться с ним совсем не фонтан. А он еще такой неумный, чуть ли не каждый день хочет. Вот это минус, конечно. Но зато миллион других плюсов: хата охрененная, видак, телик, машинка-автомат, сама все стирает и отжимает. Ну и денег полно: тарится где-то за доллары, такие деликатесики домой приносит. Ну чем не идеальный муж? Где я еще такого лоха найду? А мне уже двадцать пять! И еще родаков-пенсионеров

тащить. Они там, в глуши, от голода умирают, одна корова их и спасает. Вот мой Давочка им и поможет».

Давид прослушал запись, не дрогнув, и даже не изменился в лице.

– Нет, я знал, что огромной любви у нас обоих нет. Но я очень рассчитывал на уважение. А его тут, к сожалению, тоже ноль.

В этот же день Ксюшенька съехала из его квартиры. Сначала она громко рыдала и обзывала Давида. Затем успокоилась и долго извинялась, спрашивала, что же она натворила, ведь она так сильно любит его. Он молча протянул ей аудиокассету и помахал рукой. Больше он никогда ее не видел.

– Ты понимаешь, что я спас тебя? – повторил Дима.

– Да! А я сейчас спасаю тебя. Нам скоро сорок, и у нас ни хрена нет и не будет. Мне ты не позволишь иметь семью, тебе везде будет видаться меркантильность и фальшь, и сам никогда не женишься – нет на свете той бабы, которая тебя, такого красавца, достойна.

– Да мне просто не нужна жена! – Дима повторил по слогам: – Не нуж-на!

– Возможно, – согласился Давид, – но дети нужны.

– Ты помнишь, что мы обещали друг другу, когда Юрчика не стало?

– Димон, мы сами тогда дети были, мальчишки! Конечно, его смерть нас потрясла, и мы поклялись никогда не иметь детей. Но одно дело, планировать их не иметь, а другое – отказываться, когда у тебя они уже есть: живые, настоящие, которым нужен отец. Это твои дети.

– Откуда ты знаешь? Ты даже и близко не представляешь себе, какие эти бабы коварные и как они умеют плести сети, а потом ловить таких глупых мужиков, как ты.

– Она пять лет тебя любила, сидела у метро, ждала, чтобы просто увидеть. Пять лет! Назови мне еще хоть одну бабу, у которой так ехала крыша на тебе? Я видел ее глаза. Она бы жизнь за тебя отдала не думая.

– Ты сейчас о женщине говоришь или о собаке? Ее любовь нездоровая. Мне тогда впервые было страшно. Она меня так достала, что я уже прятался и заходил в мастерскую с черного хода. И мне нужен сейчас опять этот геморрой?

– Мне нужен. Я уже дал распоряжение все узнать о ней: где живет, с кем, когда родились мальчишки. А я подсчитаю. Уверен, что дату зачатия ты помнишь и не забудешь никогда.

Дима на секунду закрыл глаза, выпрямился, его от головы до пяток передернуло от этих воспоминаний.

Алена легко нашла его дом, зашла в подъезд, поднялась на пятый этаж и уверенно нажала на звонок.

Дима резко распахнул дверь. На нем были клетчатая рубашка и джинсы.

– Привет! – Она потопталась на пороге, стряхивая снег с ботинок.

– Напомни мне, пожалуйста, как тебя зовут? – спросил Дима, закуривая самокрутку с травкой.

– Алена, – тихо ответила она и смутилась.

– Ах да, Але-е-ена. Чего тебе надо, Алена?

– Можно мне войти?

Он медлил. Впускать ее совсем не хотелось. У него были такие замечательные планы на Новый год: напиться, обкуриться, включить Pink Floyd на всю громкость, чтобы вокруг себя никого не слышать и не видеть, – одним словом, кайфануть, пока Давида нет.

Этот 1989-й, был, пожалуй, лучшим годом по деньгам, но он вымотал их до предела: они с Давидом переехали в другой офис и приобрели две кооперативные квартиры.

В этом году они вышли на новый уровень, и уже не просто торговали аппаратурой, а занялись оптовой продажей и открыли пять ремонтных мастерских в разных районах города.

Кроме того, они открыли четыре видеосалона. Начинали с простого: сами лично встречали самолеты, где им передавали кассеты с записью нового фильма, который только вышел на экраны США. Нормальной считалась копия, где камеру во время съемки в кинотеатре ни разу не дернули и мимо нее не прошел зритель. Друзья забирали эту кассету и везли переводчику. Они с радостью помогали ему, и за год таких переводов и сами поднаторели в английском. Утром ехали в офис, где изготавливали картонную упаковку, придумывали дизайн, потом в типографию и отдавали в тираж. Следом делались сначала по две, но если фильм был хороший, то и по десять копий кассеты на каждый видеосалон.

Дело было новое, но очень интересное и прибыльное. Народ помешался на видеках, на новых зарубежных фильмах, люди закрывались в квартирах и смотрели на неизвестную им красивую жизнь. Огромным спросом пользовалась «клубничка» – эротические, и даже порноистории.

Этот Новый год был замечательным. Давид, как обычно, уехал на родину, к отцу, а Дима уже давно предпочитал отмечать этот праздник в одиночестве.

Но вот сегодня на его голову принесло Алену.

– Уже почти десять. Тебе не пора встречать Новый год в кругу семьи? – Он сделал затяжку и бросил на нее недовольный взгляд.

– Можно мне пройти? – опять попросила она. – Или ты меня боишься?

Дима рассмеялся и выпустил Алену.

Она зашла в коридор, разулась и сняла свое старенькое пальто.

Он надменно и брезгливо посмотрел на ее длинную, до пят, юбку, кофту из грубой пряжи, длиной почти по колено, смешную, нелепую гульку из волос на макушке, уродскую огромную папиллomu у носа, занимающую пол-лица, и подумал, что на такую страшную бабу у него никогда не встанет. Пугало. Самое настоящее пугало.

Она несмело зашла в комнату, осмотрелась, потом заглянула на кухню и предложила:

– Давай я ужин приготовлю?

Ее наглость просто ошеломила его.

– Девочка, я что-то не помню, чтобы приглашал тебя в свой дом! И не помню, как просил хозяйничать!

Она робко улыбнулась, одергивая вниз и без того длинный свитер:

– Это моя инициатива...

– Але-е-е-ена, – специально протянул ее имя Дима, – иди-ка ты на хер, милая.

Она присела на табуретку, едва сдерживая дрожь в голосе, и замотала головой.

– Я хочу, чтобы ты стал моим первым мужчиной.

Он опять рассмеялся и с презрением бросил:

– У меня не встанет на тебя. Ты же пугало, ты в зеркало на себя смотришь хоть иногда?

Он специально хотел ее обидеть, чтобы она вспыхнула и убежала. Не в его правилах было оскорблять женщин, и уж тем более так нелестно отзываться об их внешности. Но эти ее бесхребетность, наглость и тупость оскорбили его до глубины души.

Она нервно сглотнула комок, подступивший к горлу, и тихо произнесла:

– Ты меняешь женщин как перчатки, каждый день у тебя новая. Получается, что ты спишь со всеми подряд, и какая разница – красивая я или нет?

– Ты меня сюда оскорблять пришла?! – взорвался Дима.

Алена залилась краской от накатившего стыда и виновато опустила голову:

– Нет, прости.

Но Диму уже было не остановить. Вот же сука какая! Ну я тебе устрою!

Так сильно его давно не унижали. Он открыл холодильник, вытащил бутылку водки, открыл крышку и демонстративно, на ее глазах почти всю выпил, разливая на рубашку большую часть.

– Без водки трахать тебя не смогу, – как бы виновато произнес он, но в его глазах горел огонь ненависти.

Он расстегнул ширинку, вытащил член и подошел к ней. Она ахнула, румянец стал пунцовым, и она резко отвернулась.

Дима грубо взял ее за подбородок и приказал:

– Рот открой!

Она стала прижиматься спиной к стене, но он пальцами открыл ей рот и впихнул туда член, который практически сразу стал увеличиваться от возбуждения. Она закашлялась, стала давиться, ей не хватало воздуха, и она открывала рот, чтобы вдохнуть, а Дима хватал ее за гульку и нагло заталкивал член в горло.

– А теперь сама! Быстро!

Он отпустил ее голову и ритмично задвигал бедрами, поддерживая член рукой. Он действовал жестоко, разорвал ей рот, из губы закапала кровь, но это его еще больше завело.

Он вытащил член из ее рта, схватил Алену за руку и поволок в спальню. Швырнув на кровать, сорвал юбку, затем колготки и трусы.

Она уже не сопротивлялась, просто тяжело дышала и тихо скулила.

– Первым быть хорошо, – спуская джинсы, сказал Дима. – Даже презерватив надевать не буду!

Он широко развел ее ноги и резко вошел. Она завывала.

– Как узко! – Он стал двигать бедрами, стараясь зайти в нее поглубже и сделать как можно больней. – Как тебе? А? О-о-о-о-о, классно, правда?

Она скулила и пыталась свести колени. Он видел, как ей больно, но специально раздвинул ее ноги еще шире, прихватывая за ягодицы и подтягивая на себя. Пару минут он грубо насиловал ее, пока она извивалась в попытке вырваться, затем перевернул спиной к себе и вошел сзади. Минут пять он насиловал ее в таком сумасшедшем ритме, что сам устал, но кончить никак не мог: маленькая, худощавая задница его совсем не впечатлила. Он опять развернул ее лицом к себе, сорвал с нее кофту и майку, оголяя малюсенькую грудь, и стал делать резкие, глубокие толчки. Очень скоро он почувствовал, что она не сопротивляется, вошел в нее так глубоко, как только мог, и кончил.

Когда он опустил ее на постель, она упала без чувств. Он не сразу понял, что она потеряла сознание. Сначала пошел на кухню, достал из холодильника еще одну бутылку водки, сделал пару глотков и вернулся в спальню, на ходу немного пригубив.

Алена лежала точно в такой позе, как он ее оставил: ноги криво разведены, руки разбросаны на кровати, глаза закрыты, все лицо и постель были испачканы кровью.

Он потрясенно смотрел и не мог поверить, что это натворил он. Тут же подскочил и попытался поднять девушку, но она не подавала признаков жизни и была похожа на большую сломанную куклу.

Дима стал ее трясти, приподнимая за плечи, вцепил пару пощечин, но она не шевелилась. Он наклонился, прослушал сердце, дрожащей рукой нащупал пульс на шее. Под пальцами забила венка. Он побежал на кухню, из крана наполнил стакан водой, подбежал и выплеснул ей в лицо. Она дернулась, застонала и мотнула головой, не открывая глаз. Он наклонился над ней, а она распахнула глаза, увидев его, резко вскочила и стала натягивать на себя одежду, со страхом поглядывая на Диму. У него дрожали и руки, и ноги, а сердце так бешено колотилось, словно готово было вырваться и убежать. Бежать хотелось и ему самому, потому что только сейчас Дима понял, что натворил.

Алена попятилась от него, как будто увидела чудовище, и выбежала в коридор. Через несколько секунд он услышал, как хлопнула входная дверь.

– Делай, что хочешь, – Дима отвел взгляд. – Мечтаешь стать отцом этим детям? Без проблем. Я – пас. Понял?

– Как скажешь, Димон. Как скажешь.

Прошла неделя, друзья больше не поднимали этот вопрос и, казалось, совсем забыли о прошлом разговоре.

Рабочий день подошел к концу, время было позднее, и Дима уже стал собираться.

– Где поужинаем? Опять будем есть стряпню твоей Марии Сергеевны?

– Можем поехать в твой любимый «Мир», – Давид хихикнул, – поглядим на геев в аквариуме, это уж точно лучше моей Марии Сергеевны.

– Очень смешно, – Дима отключил компьютер и подошел к окну, – давай в «Белый таракан»?

– Нет, спасибо, месяц назад там ОМОН всем посетителям зубы повыбивал. Антоха наш случайно попал под горячую руку. Ну их на фиг. Я туда больше ни ногой.

В кабинет постучали, друзья переглянулись.

– Добрый вечер, – в дверь просунулась голова Кирилла, – Давид Валентинович, можно?

Давид кивнул и бросил взгляд на Диму. Друг сразу догадался, зачем пришел Кирилл – лучший сыщик их агентства.

– Если тебе неинтересно, то можешь уйти, – сказал Давид, пальцем подозвал гостя и указал ему на стул напротив.

– Да нет, почему же, очень даже интересно. – Дима подкатил свое кресло ближе и уселся, положив ноги на стол.

Кирилл присел, вытащил из папки фотографию и протянул Давиду.

– Елена Павловна Морозова, 1965 года рождения, уроженка села Парбик, Томской области. Отец, мать, старшая сестра проживают на родине. Она же после окончания школы уехала в Москву, пыталась поступить в педагогический, не поступила, за год отучилась в кулинарном училище, со второго раза поступила на факультет иностранных языков в пединституте, окончила его и никогда не работала по специальности.

– Неужели на панель пошла? – хихикнул Дима.

Давид на него строго посмотрел и попросил Кирилла продолжать.

– Нет, она сразу начала делать массаж на дому.

Дима громко рассмеялся и захлопал в ладоши:

– О как! Обслуживание клиентов на дому! Элитная проституция, мать твою! А ты думал, святая, да?

Давид кинул взгляд на Кирилла.

– Нет, – тот замотал головой, – она работает только с женщинами. Я сделал десять звонков, и от себя спрашивал, и подставных женщин просил, чтобы они ее уговорили промассажировать типа их мужей, ни в какую. Только женщин и в основном общий и антицеллюлитный массаж.

– А диплом хоть есть? – спросил Дима хриплым голосом.

– Да, и диплом, и потом еще два раза курсы квалификации проходила.

– Дальше давай, – приказал Давид.

– Ей досталась квартира. Большая, четыре комнаты, с высокими потолками, на Остоженке. Дом старый, трехэтажный, всего четыре хозяина в подъезде. В этой квартире жила крутая бабулька, ей было за восемьдесят, даже ближе к девяноста. И ваш клиент ей делала массаж. У бабульки была дочь, та вышла замуж, родила сына и погибла вместе с мужем. Жуткая авария.

Сын чудом выжил, но стал инвалидом. Бабке внука не дали, старая она слишком для усыновления, да и мальчик тяжелый, поместили его в детдом. Она и упросила вашу Елену усыновить его. Обещала ей эту квартиру взамен – в общем, Елена согласилась.

Дима засмеялся:

– Ну еще бы! Хата на Остоженке – надо быть полной дурой, чтобы отказаться.

– Бабка прописала Елену к себе, они стали готовить документы на усыновление мальчика, а бабуля взяла и померла.

И Дима, и Давид устали на Кирилла в замешательстве, на какой-то миг потеряв дар речи.

Дима первым пришел в себя и разразился хохотом:

– Я надеюсь, не наша Елена Прекрасная ее прикончила?

– Нет, – замотал головой Кирилл, – бабка от инсульта померла.

– А тот мальчик? – испуганно спросил Давид.

– Его Елена усыновила, сразу же. Он тяжелый, как я уже сказал, в инвалидном кресле.

Но она не побоялась, хотя, как вы понимаете, легко могла отказаться: квартира ее, она одна прописана, делай, что хочешь...

– Дальше, – уже с какой-то злобой в голосе произнес Дима.

– А дальше она забеременела от кого-то и родила близнецов. Кто отец – неясно, нужно еще немного времени, чтобы найти эту информацию, потому что она ни с кем не встречалась никогда, мужиков не водила.

– Дата рождения детей есть? – Голос у Димы получился хриплым и низким.

– 1 августа 1990 года. Дети родились чуть недоношенные, но сейчас здоровы, ходят в детсадик, прямо напротив дома. В собственности Елены имеется старый «запорожец». Пока не было детей, она ездила на нем по клиентам, сейчас так же работает массажисткой, но уже принимает только у себя. Мальчик, которого усыновила, с ней.

– Сколько ему сейчас? – с дрожью в голосе поинтересовался Давид.

– Он восьмидесятого года. Тринадцать, получается.

– До сих пор в инвалидной коляске?

– Да, там полная безнадега. Если нужен ее график – только скажите. Но я так понял, что пашет она будь здоров. Свет в окне в четыре утра, ложится поздно. Иногда вывозит подростка на улицу, сама таскает по ступенькам. Еще подрабатывает переводами с английского и немецкого языков. В общем, крутится, как может.

Давид кивнул Кириллу:

– Спасибо, я наберу тебя завтра. Скорей всего, еще кое-что понадобится. Мне надо просто всю эту кашу в одну кучу собрать...

– Всего доброго! – Кирилл слегка наклонил голову в качестве прощания, положил папку на стол и вышел из кабинета.

Давид откинулся на сиденье, руки его дрожали.

Дима тоже чувствовал волнение и какое-то невероятное разочарование. Он встал, накинул пиджак и сказал Давиду:

– Дай мне время. Надо подумать. Я не могу и не хочу сейчас вот так... с бухты-барахты что-то решать.

Давид обреченно вздохнул.

Следующим утром Давид пришел в офис, сделал с десяток важных звонков, дал необходимые указания всей команде, провел летучку, отчитал нерадивых сотрудников и даже успел позавтракать – секретарша принесла ему яичницу с грибами из соседнего ресторана и приготовила кофе.

Дима же появился ближе к обеду, сразу направился к боксерской груше и минут двадцать стучал по ней. Потом подошел к столу друга и сказал:

– Делай, что считаешь нужным. Я пас. Я и в глаза ей не смогу смотреть, да и менять в своей жизни ничего не хочу. А ты, – он хитро усмехнулся, – можешь попробовать завоевать ее сердце. – И ушел в душ.

Когда он вернулся, Давид поинтересовался:

– Думаешь, я не понял твой план? Хочешь проверить, а не получится ли у меня с Аленой, как с Ладой?

После второго курса Давид с Димой на лето уехали в стройотряд. И в первый же день, поселившись в общежитии, они познакомились с невиданной красоткой – девушкой Ладой. Ее внешность была настолько яркой, что ослепляла и оглушала всех мужчин в округе, и многочисленные поклонники сыпались на нее, как снег в январе. Но только не Дмитрий. Этим равнодушием он и очаровал ее. Лада мучилась два месяца, страдала, какие только попытки не предпринимала, чтобы покорить его. Но когда поняла, что он не реагирует, обозвала «бесчувственным чурбаном» и... закрутила роман с Давидом. Тот сначала никак не мог понять, отчего на него посмотрела такая красотка, но вскоре догадался, что это был последний шанс Лады завоевать Диму – вызвать его ревность.

У Давида хватило ума не влюбиться, а просто хорошо провести время. Возвращаясь со свиданий, он говорил другу:

– Димон, ты даже не представляешь, что упускаешь. У нее такая грудь!

Лада стала первой женщиной Давида, а вот ему номером один не удалось быть, и он расстроился.

– А ты что, женился бы, если бы она была девственницей? – удивленно спросил Дима у друга.

– Почему нет?

– И всю свою жизнь наблюдал бы, как она облизывается, когда смотрит на меня?

– Димон, неужели ты думаешь, что я найду женщину, которая не будет облизываться на тебя?

– Найдешь. Вот увидишь, найдешь, Дав. Ты замечательный. И тебя обязательно полюбит хорошая, добрая девушка, которая даже не взглянет на меня. А Лада – это пустышка. Забудь и не вспоминай.

И Дима оказался прав. Давид познакомился с Надей на БАМе, когда они после института поехали работать на пару лет. Давид влюбился с первого взгляда, Надя сразу ответила взаимностью, они моментально стали одним целым и через месяц поженились.

Надя была красивой, скромной, воспитанной. Диме она сразу понравилась, и он благословил друга. Вскоре Надя забеременела. Давид летал как на крыльях. Дима никогда не видел друга таким счастливым.

Но счастье длилось недолго.

Через три месяца Надя разбилась на стройке: упала с лесов, вроде бы и не с большой высоты, но у нее сразу началось кровотечение, и она скончалась уже в больнице от потери крови.

Давид пытался прийти в себя около года. Но его всего скручивало от боли, когда они проходили мимо того места, где она погибла. Он пытался забиться, закопаться, спрятаться куда-то глубоко в себя, но эту незаживающую рану залечить было невозможно.

Дима решил увезти друга оттуда подальше, и они вернулись в Москву.

Большой город вдохнул в Давида жизнь, но боль утраты еще долго его накрывала и терзала душу.

– Правда думаешь, что Алена, как Лада, перебежит ко мне? – спросил Давид.

Дима открыл папку с документами, просмотрел бумаги и стал делать заметки на полях. Друг подошел к его столу, он ожидал ответа.

– Не хочу я к ней идти.

– Да не к ней, Димон, к своим детям. Неужели ты не хочешь их увидеть, обнять? Это же такой кайф – два славных мальчика.

– Не хочу. Ничего не хочу. Ни ее видеть не хочу, ни ее детей. Все. Закрыли тему.

Давид был невероятно расстроен.

Он планировал уже завтра, в последний день года, полететь к отцу встречать Новый год. Но не хотел оставлять такой груз на сердце в уходящем году – он решился сходить к Алене и поговорить с ней.

Дима увидел у него на столе довольно объемный пакет и коробку с тортом и сразу все понял. Но сделал вид, что ему это неинтересно.

Около семи вечера Давид поднялся и сказал, что уходит. Дима тоже стал собираться.

– Поеду к Эле, – бросил он, накинул пиджак и первым вышел из кабинета.

Давид только тяжело вздохнул и посмотрел на пакет: он купил два красных грузовика близнецам, долго думал, что подарить тринадцатилетнему мальчику, и взял для него плеер. Почему-то был уверен, что у мальчика нет такой дорогой техники.

Алене решил ничего не дарить, просто купил торт.

Волнуясь, как подросток, он дрожал всю дорогу, пока водитель вез его. Он выскочил из машины в тот же момент, как машина плавно затормозила, словно боялся, что передумает, забежал в подъезд и позвонил в первую квартиру.

Алена открыла, но, едва глянув на Давида, переменилась в лице. «Ошеломлена» – слишком слабое слово, чтобы передать ее состояние. Глаза ее распахнулись до предела, по спине пробежал холодок испуга, она, кажется, даже дышать перестала и резко закрыла дверь перед носом Давида.

Тот же стоял обескураженный и не знал, что ему делать.

Прошло чуть больше минуты, и дверь снова открылась. Давид стоял на том же месте и смотрел изумленно на Алену.

Она кинула взгляд на коробку и пакет в его руках, как-то обреченно вздохнула и сказала:

– Проходи.

В коридоре было темно. Она включила свет, Давид разулся и снял длинное черное пальто.

Алена повела его в гостиную. Комната была просторной, но практически пустой: только стол со стульями, диван и небольшой сервант с посудой. Даже ковра и телевизора не было.

За большим деревянным столом сидели трое мальчиков: двое, помладше, рисовали, еще один, подросток в инвалидной коляске, что-то записывал в тетрадь. Посередине стояла маленькая лысая ель с самодельными фонариками из цветной бумаги.

– Мальчики, это Давид, мой старый знакомый.

До того времени, пока Алена не заговорила, мальчики даже не повернули голову в его сторону. Давид сразу сделал вывод: дети никак не реагируют на посетителей, так как привыкли, что к Алене приходят клиенты.

Сейчас же, когда они увидели мужчину, да еще с тортом в руках, их лица вытянулись от удивления, и они смотрели на него, широко раскрыв глаза.

– Мальчики, нужно поздороваться, – мягко, но чуть с упреком произнесла Алена.

– Добрый вечер, – парень в коляске кивнул в знак приветствия, – меня Сашей зовут.

Давид подошел к нему, протянул руку, которую тот сразу пожал, при этом опять как-то испуганно бросил взгляд на Алену. Саша был похож на солнышко, каким его изображают в дет-

ских книжках: светлые вьющиеся волосы, курносый нос весь в веснушках, серые живые глаза с длинными ресницами, слегка торчащие уши. Он выглядел немного беззащитным, может, потому, что был очень худеньким, даже, лучше сказать, хрупким.

– А я Давид.

Он поставил на стол коробку, улыбнулся и с такой теплотой посмотрел на близнецов, что Алена смешалась. Она обреченно опустила глаза и потрепала одного из мальчиков по голове:

– Это Игорь. Он серьезный парень, любит ремонтировать будильники, вентиляторы и все остальное, что подлежит сначала поломке, а потом ремонту.

Давид рассмеялся.

– А это Илья. Творческий ребенок: рисует, поет, танцует.

Мальчишки все еще продолжали рассматривать гостя, а тот вдруг вспомнил про подарки, вытащил из пакета два самосвала и протянул им.

Дети не спешили брать, только с надеждой посмотрели на мать. Она им слегка кивнула в одобрение, они протянули свои маленькие ладошки и уже через мгновение с неподдельным восторгом рассматривали машинки.

Давид протянул Саше коробку с новым плеером. Алене явно пришлось не по душе такой презент.

– Давид, это очень дорогой подарок! – Она действительно была расстроена.

– Для меня это пустяки, Ален, правда.

Она все равно сомневалась, но, увидев, как загорелись глаза у Сашки, чуть оттаяла, хотя продолжала хмуриться.

– Присаживайся, я сейчас чай заварю.

– Я помогу! – откликнулся Сашка, отложил в сторону новый плеер, резко крутанул колеса своей инвалидной коляски и покатился к серванту с посудой, откуда достал пять чашек. С ними возвратился к столу, опять быстро крутанул кресло к шкафу, вытащил блюда и приборы, вернулся, всю посуду расставил на стол, открыл коробку и принялся нарезать торт.

– Резво ты... – с восторгом произнес Давид.

Мальчик, улыбаясь, пожал худенькими плечами.

Потом они все вместе пили чай с тортом. Алена почти все время молчала, близнецы попросили добавки и несколько раз сказали, что очень вкусно.

Сашка расспрашивал Давида про плеер, про все функции, которые он выполняет, мальчишки чуть привыкли к гостю и тоже пытались обратить на себя внимание: Илья подарил свой рисунок, а Игорь – маленькую шестеренку от будильника.

Давиду было очень хорошо и очень плохо. Настолько хорошо, что он хотел остаться здесь навсегда. И настолько плохо, что ему хотелось убежать и больше никогда сюда не возвращаться.

Он смог просидеть у них всего час, попрощавшись с Аленой и ее сыновьями, сел в машину и приказал везти его на работу.

Он зашел в темный офис, не включая свет, упал в свое кресло и разрыдался. Он плакал громко, отчаянно всхлипывая, как малыш от горькой обиды, вытирая рукавом пиджака с опли и слюни. Он давился слезами, как охваченный ребяческой яростью подросток, закрывая лицо руками. Он выл, вырывая из себя взрослые, мужские слезы жалости и отчаяния.

Пока не услышал голос Димы:

– Все так плохо?

Давид прекратил рыдать. Он старался восстановить дыхание, прийти в себя и сглатывал оставшиеся слезы молча, пока полностью не успокоился.

– Прости меня, Дав, – голос друга дрожал, – это я должен был пойти и вот так после этого... а ты опять все взял на себя...

Давид молчал.

– Я конченный кретин. Бракованный. Родители были правы.

Давид ничего не ответил, включил настольную лампу и подошел к другу. Положив на его стол рисунок и шестеренку от будильника, он вышел из комнаты.

На рисунке была изображена женщина, двое маленьких детей и еще один мальчик, как будто сидящий в коробке.

Дима посмотрел на рисунок: у него сжалось горло, заныло, кольнуло где-то в солнечном сплетении, и из глаз полились слезы. Он гладил пальцем двух маленьких нарисованных мальчиков и понимал, что его жизнь сейчас наконец-то обретает смысл.

Следующим утром Сашка спросил у Алены:

– Вчера... это был отец близнецов?

– Нет, это его лучший друг, думаю, что их отец очень скоро тоже объявится.

– Ты ведь не хочешь этого? – попытался он заглянуть ей в глаза.

– Лично я? Не хочу. Но мальчикам нужен отец, и я буду рада, если он примет участие в их воспитании.

Алена стояла у плиты, готовила обед, и ее трясло. Ее колотило так, что она еле держала ложку в руках.

Сын заметил это, понимающе кивнул и тихо сказал:

– Сегодня твой самый нелюбимый день в году...

– Проведем его дома? Сейчас доварю кашу и пойдем в детскую. Там будем сидеть, играть, читать книги, потом пообедаем и так тихонечко встретим Новый год, хорошо?

– Конечно!

На самом деле Алену колотило от страха, что сейчас зайдет Дима, бесцеремонно заберет ее детей и уйдет с ними. И она ничего не сможет поделать.

Она не спала всю ночь: рыдала, думала о том, что он нашел ее и узнал про детей. И поэтому сначала послал Давида, чтобы он разведал обстановку.

Алена была абсолютно уверена, что Дима знает о ней все до мелочей, ведь Давид пришел с двумя подарками для близнецов и еще одним для Сашки. Дима знает, где она живет и с кем, а также чем занимается. И сделает все, что захочет: например, заберет сыновей, и она больше их никогда не увидит.

Она думала всю ночь, что же ей делать. Были разные идеи. Например, схватить сыновей в охапку и убежать. Но куда? Если бы еще Сашка был не в инвалидном кресле. А так, ну где им спрятаться? У нее была мысль уехать на поезде в какую-нибудь сибирскую деревню, там найти домик и отсидеться. Деньги у нее были, она откладывала на операцию Сашке, так что год они как-то смогут прожить. Но Алена была уверена, что если Дима все узнал о ней, то наверняка ведет слежку, и сейчас она даже выйти из подъезда не сможет.

К утру она поняла, что ее проблему можно решить только мирным путем. Она будет валяться у него в ногах и умолять оставить детей с ней. Она пойдет на любые его условия, только бы он не забирал сыновей. Тут была хоть какая-то надежда, ведь детям нужна мать и у Димы не железное сердце. Хотя... она вспоминала, как он ее насильничал, и опять начинала рыдать, понимая, что все только в его власти и она ничего сделать не сможет.

Алена выключила плиту и ушла в детскую, откуда ее уже звали мальчишки: они просили опробовать новую настольную игру.

В это же время Давид зашел в офис. Дима уже сидел за столом и что-то рассматривал в папке. Они кивнули друг другу в знак приветствия, и Давид, не снимая верхней одежды, подошел к Диминому столу.

– Я там Алене продукты купил, поеду отвезу и сразу в аэропорт.

Дима молчал, рассматривая деревянные узоры на столе.

– Не хочешь со мной?

Дима взъерошил волосы:

– Не сегодня, Дав. Ты помнишь, что было 31 декабря четыре года назад? Ну как я именно в этот день припрუსь к ней? – И, немного помолчав, добавил: – Может, завтра. Или послезавтра.

– Или никогда. – Давид не спрашивал, он подводил итог.

– Нет. Завтра. Точно. Завтра я к ней по еду. – Он закрыл руками лицо, тяжело вздыхая.

– Ладно, если что – звони, я на связи. – И Давид уверенной походкой вышел из кабинета.

Дима взглянул на стол, где лежал рисунок, и пошел за другом, на ходу надевая пиджак.

– Хорошо, сейчас! – решил он.

В машине, пока ехали, Давид наблюдал за другом и заметил, что он ужасно нервничает.

– Да все нормально будет. У тебя такие парни классные!

Игорь выиграл три раза, а Илья – ни одного: он надулся и требовал играть дальше, но Игорь не соглашался. Началась ссора, Илья истерически кричал, топал в гнев ножками.

Алена успокаивала сына, но он орал все громче и громче. Она не выдержала, взяла его на руки и хотела отнести в другую спальню, чтобы отвлечь. Но когда распахнула дверь, увидела в коридоре серый дым. Сашка тоже заметил это и ахнул.

Весь длинный коридор старой квартиры, ведущий к спальням, в одной из которых они находились, быстро заполнялся дымом. Чтобы спастись, им нужно было пробежать по коридору, впервые он показался Алене бесконечным, в прихожую, к входной двери. Через завесу серого дыма, который становился плотней прямо на глазах.

Алена усадила Илью к Сашке в коляску и крикнула:

– Тут сидеть! Всем!

Сыновья испугались, замерли, Илья моментально перестал плакать.

Она же рванула через серую завесу в прихожую. Там все было в дыму, а в гостиной и кухне уже хозяйничал огонь: бушевал и поглощал все, что было на пути. На окнах были решетки, выход был только один – через входную дверь в подъезд.

Она вернулась в детскую, схватила Игоря и усадила рядом с Ильей на колени Сашке.

– Держи их так крепко, как только можешь. – Взялась за ручки инвалидного кресла и покатила его по длинному коридору.

В прихожей она схватила с вешалки первое, что попало в руки: ее коричневое пальто – и накрыла им сыновей.

Распахнув входную дверь, она выкатила коляску на площадку. Здесь уже хозяйничал светло-свинцовый, но очень едкий дым, а Алене надо было преодолеть восемь ступенек вниз с коляской и тремя сыновьями.

Она поняла, что не справится сама. Дети вырывались, плакали, задыхались. Сашка не удержит их. Алена рывком отбросила пальто, подхватила близнецов на руки и побежала по ступенькам вниз, на ходу прокричав Сашке:

– Дыши в тряпку, я быстро!

Распахнув дверь на улицу, она поставила детей у подъезда и с криком: «Стойте тут, я привезу брата», побежала за старшим сыном. Дети, дрожа, стояли на снегу в колготках, шортиках и байковых клетчатых рубашках по стойке смирно и ждали маму.

На улице уже стал собираться народ, наблюдая, как красиво полыхает дом, кто-то кричал: «Вызывайте пожарных!»

Алена, кашляя и задыхаясь, прикатила коляску на улицу, посадила близнецов к Сашке, накрыла их своим пальто, отдышалась и только тогда вспомнила, что в квартире горят ее деньги. Она их собирала Сашке на операцию, а сейчас они ей будут нужны, чтобы не умереть с голоду.

– Я быстро! – крикнула она сыну и забежала в подъезд.

Именно в этот момент к горящему дому подъехал автомобиль, из которого пулей вылетели Дима, Давид и их водитель.

Дима сразу увидел мальчика в инвалидном кресле и своих детей, укутанных коричневой тряпкой.

– Мама где?! – закричал Давид.

– Там, – указал на дом Сашка.

По его щекам текли слезы, близнецы испуганно смотрели по сторонам и дрожали.

– В машину их, быстро, – приказал водителю Дима, а сам с Давидом забежал в подъезд. Прикрывая носы рукавами, они побежали по ступенькам вверх.

Давид знал, где квартира. Он рванул ручку двери, а Алена уже была на пороге. Она уткнулась в Давида, он обнял ее и повел к лестнице. В руках у нее были детские голубые курточки. Дима следовал за ними.

Когда они выбежали из подъезда, она оцепенела: детей на месте не было.

– Они в машине, – успокоил ее Давид. – Давай, давай, идем.

Алена была в тапочках и в домашнем халате. Давид посадил ее на заднее сиденье автомобиля, а сам подошел к другу, который остался на улице и кому-то по телефону давал указания.

Алена обняла детей: мальчики плакали, прижимались к ней, повисли на шее, не выпускали. Она попыталась надеть на них курточки, но поняла, что в салоне тепло, и отложила их в сторону.

Только сейчас к ней пришло понимание случившегося. Хуже этого была только смерть. Она отцепила от себя маленькие ручки, вышла из машины и, как будто в тумане, подошла ближе к дому. Она стояла и как замороженная не отводила глаз от пламени, которое сжигало ее прошлую более-менее устоявшуюся жизнь: да, бедную, можно даже сказать – нищую, но все же она была счастлива здесь. Она впервые чувствовала себя хозяйкой жизни, когда никто не указывает, как быть, что есть, чем заниматься. Да, это была огромная ответственность, и решать ей приходилось сложные проблемы, и работала она не поднимая головы с утра до ночи! Но она была счастлива, как никогда, именно в этой квартире, со своими сыновьями. Она нашла себя и даже не мечтала о чем-то большем, потому что дети ей дали то, чего у нее никогда не было, – любовь! Они любили ее своими детскими чистыми открытыми сердцами, и она ощущала себя самой счастливой на свете!

И осознание того, что это все сгорает на ее глазах, вылилось в плач. Она никогда так не плакала: громко, надрывно, издавая низкий утробный вой.

Дима давно не слышал этот ужасный звук. Так часто рыдала его мать. Когда отец начинал ее избивать, она выбегала на улицу и точно так же вопила и выла. Он ненавидел эти стоны, он знал, что они ненастоящие, что она играет на публику и такие концерты устраивает специально, чтобы ее пожалели, чтобы поняли – каково ей жить с таким одноногим монстром. Почти всегда после такого спектакля отец срывал свой гнев на Диме, носился по дому, по свинарнику, по курятнику и искал его. И если находил, то Дима долго не мог потом ни сидеть, ни ходить.

Спустя двадцать лет его охватил тот же ужас, что и тогда. Он не мог этого слышать, это нужно было прекратить немедленно. Он подбежал к Алене и влепил ей звонкую пощечину.

Она вздрогнула, открыв рот, и посмотрела на Диму. Но не с ненавистью, а, как показалось ему, с облегчением и благодарностью.

Алена только сейчас заметила его.

Дима изменился. Возмужал. Стал еще красивей. В нем появился какой-то невероятный шик. Она рассматривала его и думала: как она вообще могла надеяться быть с таким мужчиной?

Давид в это время говорил по телефону и, когда увидел, что его друг ударил девушку, подбежал, на ходу кинув Диме: «Идиот!» – и крепко обнял ее.

Но Алена уже была абсолютно спокойна. Она даже не прижалась к Давиду, а просто стояла не двигаясь. Наконец-то подъехала пожарная машина с включенной сиреной.

– Поехали отсюда, – закричал Дима, – нечего им на это смотреть! Валера, побудь тут, я их отвезу и вернусь.

Давид усадил Алenu на заднее сиденье к детям, сам устроился впереди. Дима сел за руль и услышал голос Алены:

– У нас есть еще одна квартира. Отвезите, пожалуйста, нас туда.

Мужчины удивленно посмотрели на девушку.

– Что за квартира? Где она? – спросил Дима.

– Это Сашкина. Мы там будем жить. Малый Власьевский переулок. Сейчас налево, на светофоре тоже налево, а там я покажу.

Дима медлил: он уже принял решение отвезти их к себе. Но, посмотрев на бледную Алenu и до смерти напуганных детей, решил им уступить.

Они подъехали к розовому шестиэтажному дому, Давид взял на руки Сашку, Дима достал из багажника коляску, Алена подхватила близнецов, и они вошли в подъезд.

Просторный холл, красивая лестница с коваными перилами – это был добротный дом, и странно, что сыщики не сообщили про него Давиду.

Но Алена пошла не вверх по лестнице, а вниз, в подвал.

Достав из кармана халата небольшую связку ключей, она открыла дверь, опустила сыновей на пол и включила свет в коридоре.

Это нельзя было назвать квартирой: коридора нет, сразу комната, метров десять, слева – крошечная кухня с раковиной и плитой и крошечный отдельный туалет, где был только унитаз.

Дима огляделся и возмущенно спросил у Алены:

– Ты шутишь? Ты думаешь, я позволю своим детям тут жить?

Он схватил мальчишек, которые почему-то даже не сопротивлялись, и приказал:

– За мной. Все. Быстро!

Давид не стал спорить с другом и дружелюбно кивнул Алене, чтобы та не сопротивлялась. Алена замешкалась, но потом очнулась, когда не увидела рядом детей, и побежала к машине.

Дима привез их к себе домой.

– Жить будете здесь. Располагайтесь. Я поеду решу проблемы с пожаром, надо закрыть дверь, опечатать ее, – он кашлянул, – если, конечно, там осталось, что опечатывать. Дай мне ключи.

Алена вытащила из кармана связку и подала ему.

– Поехали, Дав, отвезешь меня туда и сразу в аэропорт.

Они вышли, а Алена рассеянно посмотрела по сторонам.

Квартира была шикарной, она такой даже в каталоге не видела. Недавно ей клиентка принесла пару старых французских журналов: один с интерьером, другой с выкройками. Она пролистала и подумала о том, что такой красоты у нее не будет никогда, а сейчас она стояла в самом сердце такого шика. Мальчики тоже не могли понять, где они, сидели на диване, поджав ножки, и испуганно смотрели на маму. Она подошла к близнецам и присела на белоснежный диван. Они прижались к ней, Сашка подъехал на коляске к ним ближе, и Алена взяла его за руку.

Дима с Давидом молча доехали до дома, где раньше жила Алена, там уже их ждал еще один автомобиль с водителем и несколько помощников.

Давид пересел в другой «мерседес», даже не попрощавшись с другом. Дима подошел к его машине и открыл дверцу:

– Даже не пожелаешь мне счастливого Нового года?

– Я не хочу тебя ни видеть, ни слышать. Ты ударил ее на глазах у детей!

– Я не ударил. Я прекратил истерику!

– Мне иногда кажется, что у тебя нет сердца и ты действительно бракованный... – И уже обращаясь к водителю: – Поехали!

Дима сглотнул ком обиды и проводил отъезжающий автомобиль взглядом.

Это был первый раз, когда Давид обозвал его и не захотел общаться. Раньше он мог просто молчать, обижаясь, или высказать ему все, что думал, но обозвать его самым нелюбимым словом?..

Дима не помнил, в каком возрасте получил эту кличку – «бракованный». Скорей всего, с пеленок. В памяти отчетливо сохранился один разговор мамы и бабушки.

Ему было тогда уже лет пять-шесть, и он спросил у бабушки:

– Что такое бракованный? Почему я таким родился?

А потом он услышал, как бабушка попросила дочь не обзывать внука.

– Ты видела его писун? Он же до колен висит, так же как у его папочки! Что один, что второй! Таких, как они, надо убивать в утробе, чтобы не калечили нас, женщин. И глазюки эти синие! – Мама ударила по столу кулаком. – Выколола бы их с радостью!

– Ты зачем замуж за Аристарха вышла? Чтобы он Софье не достался?

– А не все в этом мире должно достаться ей! – зло крикнула мама.

И еще он помнил случай, когда ему было семь или восемь лет. Как все нормальные мальчишки, он был подвижным, шустрым, любознательным. Его интересовала разнообразная техника: от машинок до любого другого механизма. Он мог часами катать маленький пластмассовый автомобиль, размышляя, каким образом движутся колесики. Дима прикладывал ухо и рассуждал, почему тикают часики: так одинаково, размеренно-монотонно и ни разу не сбиваясь с ритма. Он даже пытался дышать в такт, но у него больше минуты не получалось. Когда бабушка по вечерам заводила красный ржавый будильник, он замирал, прислушиваясь к необычным звукам: пружинный завод механизма и его спуск с треском – как будто дров в печь подбросили, легкий шум после – как будто ветер шумит.

А это металлическое «кляк-кляк», если тихонько нажать на серебристый стальной колпачок с колечком на самой макушке! Дима мог часами водить пальчиком по стертой от времени чашке звонка, из которой торчала ребристая серая палочка – запорный рычаг. А черные стрелочки под тонким стеклом! Они же двигались! Каждую минуту!

Но больше всего ему, конечно, нравилось колечко. И когда никого не было дома, он совывал в кольцо пальчик и поднимал будильник над столом. В те минуты он чувствовал себя героем: он может руководить временем и решать, сколько еще осталось до вечера и когда надо ложиться спать. Ему казалось, что он останавливает минуты и они больше никуда не бегут, а стоят и ждут его указаний.

В один из вечеров он так же поднял будильник за кольцо, и оно вместе с серебристой чашкой осталось у него на пальце, а все остальное грохнулось, и на пол рассыпались пружинки, стрелочки, кнопочки, ножки и маленькие металлические ключики. На шум в комнату забежала мама. Она схватила из шифоньера отцовский ремень и стала с размаху пороть Диму по худенькому тельцу, пока не увидела на полу лужу.

– Ах, ты еще и ссаться мне вздумал!

Она одним резким движением сняла с него мокрые шорты и продолжила порку по голой заднице.

Когда она устала и села на диван, Дима понял, что срочно надо бежать, потому что это была только передышка, она еще обязательно продолжит, только чуть-чуть отдохнет. Он вскочил на худенькие ножки, его по-детски тонкий, но длинный член хлопнул по бедру, мать встрепенулась и опять замахнулась ремнем:

– Бракованный! Когда ты уже сдохнешь со своим хозяйством?! Весь в отца! Скоты! Как же вы мне надоели! всю жизнь мою погубили!

Пока она это причитала, мальчик успел убежать, спрятавшись и ту ночь провел в курятнике.

Дима и сам не понял, как вlepил Алене пощечину. Нет, он это сделал не потому, что ее рыдания были похожи на вопли его матери. Та рыдала театрально, а Алена действительно от шока. И именно этой пощечиной он сразу остановил истерику.

Нет, он все сделал правильно. Она бы так совсем изошла слезами, и пришлось бы вызывать скорую. Да, выглядело это ужасно. Но ведь...

Дима искал себе оправдание. И не находил.

Он сжал кулаки и, как робот, пошел решать дела: позвонил знакомым операм и поговорил с пожарными, которые уже потушили огонь. Затем прошелся по квартире. Гостиная и кухня сгорели дотла, он мог только догадываться, что тут стоял стол, а там диван. Он прошел по длинному коридору дальше: огонь не тронул эту часть помещения, но запах гари был невыносимым. Дима заглянул сначала в детскую: на полу была разложена настольная игра, которую не закончили, в углу стоял шкаф, у окна – две тумбочки и две небольшие кровати с белыми пододеяльниками и подушками. На них лежало по мягкой игрушке: старый плюшевый мишка с зашитой лапой и серого цвета заяц, ухо которого тоже было не раз пришито. Он взял их, прижал к губам. Они провоняли гарью, но он все равно почувствовал запах своих сыновей. Он прихватил игрушки с собой и зашел в другую комнату: в ней жил мальчик, это он понял сразу. К потолку были приделаны толстые веревки, как канаты, а к ним привязаны большие деревянные кольца. Дима догадался, что мальчик цеплялся за них и перемещался из коляски в кровать и обратно. Мебели тоже было по минимуму, а на кровати лежал львенок, старенький, потрепанный, из плюша. Он тоже забрал его с собой. Затем он прошел в третью комнату: там была всего одна кровать, аккуратно заправленная, шкаф, на всю стену полки, забитые книгами, и стол, на котором находились печатная машинка, штук пять словарей и стопка бумаги.

К Диме подошли его помощники, и он приказал все, кроме мебели, сложить в коробки и привезти к нему домой.

– И вот эти вот веревки с брусьями тоже отцепите. Они мне понадобятся.

Его помощник, Всеволод, кивнул, что понял.

– Да, еще, Сев, надо заказать еду на Новый год. Закажи из моего любимого ресторана, подойдешь к Илье Андреевичу и скажешь, что как обычно, для меня, на пять персон. Он знает мой вкус, – он задумался, – правда это будет долго...

Потом его осенила другая идея:

– А пока он будет готовить, езжай в «Макдоналдс», купи пять наборов всякой всячины, ну то, что мы иногда с Давой покупаем: бургеры эти обязательно купи и молочные коктейли. Привезешь мне и уже потом поедешь забирать ресторанную еду, хорошо?

Через пару часов он вернулся в свою квартиру. Алена сразу поднялась с дивана и замерла, тебя в руках носовой платок.

Дима очень удивился, что они сидят и ждут его: он думал, что она уже всю хозяйничает, возможно, даже кормит детей тем, что нашла в холодильнике.

– Чего вы сидите, как неродные? – немного сварливо спросил он, подошел сначала к Сашке и протянул ему львенка.

Тот испуганно забрал игрушку и прижал к груди.

Затем Дима присел на корточки у дивана и посмотрел на близнецов: они тянули ручки к игрушкам. Он подал им: Игорь взял зайку, Илья – мишку. У него защемило сердце, когда они улыбнулись ему с благодарностью.

Потом кивнул Алене:

– Пойдем, я покажу тебе квартиру.

Она поплелась за ним.

Из просторной столовой со встроенной кухней была дверь в хозяйскую спальню. Они вошли, он осмотрел комнату, как будто видит впервые, и сказал:

– Давай тут сделаем детскую: уберем эту большую кровать и заменим на две, для близнецов.

Затем быстрым шагом направился в другую комнату с большими диванами и телевизором.

– Тут можно игровую сделать, наверное.

Прошел дальше – она плелась следом – еще один просторный холл и три двери.

– Тут сама решай, чья будет спальня, выбирай, какую хочешь.

И, наткнувшись на ее непонимающий взгляд, добавил:

– Я буду жить в соседней квартире. Эта – в полном вашем распоряжении.

Алена понимающе кивнула:

– Спасибо.

– Напомни мне, пожалуйста...

Она его перебила:

– Алена. Меня зовут Алена. Ты специально надо мной издеваешься или правда не помнишь мое имя?

Он оторопел, потом вспомнил, что именно с такой же интонацией не раз задавал ей этот вопрос. Конечно же, специально, чтобы обидеть, чтобы показать, что она ему не интересна. Ему хотелось, чтобы она уgomонилась наконец-то и перестала его преследовать.

– Я помню твое имя, – тяжело вздохнув, произнес он. – Напомни мне, пожалуйста, свой адрес. Мне знакомого опера надо туда послать. Улицу я знаю, какой номер дома и квартиры?

– Пятнадцать, квартира один, – еле слышно прошептала она.

Когда они вернулись в гостиную, мальчики все так же тихо сидели и смотрели на них.

Дима подошел сначала к Сашке:

– Ну, давай знакомиться? – и протянул ему руку.

– Саша, – тихо произнес мальчик и пожал ладонь Димы.

– Все будет хорошо, Саша, не переживай, – подмигнул он и потрепал мальчика за плечо.

Затем подошел к дивану, сел между близнецами и с теплотой посмотрел на них.

– Иголь. – Малыш подсел ближе и протянул Диме свою маленькую ладошку.

С другой стороны то же самое сделал другой малыш:

– Илия.

– А я ваш папа, – обреченно-устало произнес Дима.

Близнецы вытаращили глаза, растерялись и стали искать поддержку у мамы. Но она не смогла на это смотреть, отвернулась и подошла к окну. Слезы текли по ее щекам, в ушах звенело, душа была в полном оцепенении.

Вдруг Игорь дотронулся ладошкой до колючей щеки Димы и стал гладить отца. Илья тоже подсел ближе и рассматривал отцовские руки.

Давид был не прав. У Димы было сердце. И оно сейчас обливалось кипящими слезами. Эти обжигающие капли царапали его, кусали, грызли, пытались пролезть в самую серединку к той глыбе льда, которую раньше невозможно было растопить ничем. Но этим мальчикам удалось. Он не помнил, когда ему было так хорошо, как сейчас. Наверное, никогда.

Игорь залез к Диме на колени и прижался своей маленькой головкой к груди. Там, где уже айсберг растаял и только бешено билось сердце.

– Как же мне вас различать, а? – Дима задал этот вопрос вслух, хотя спрашивал об этом себя.

– Вот тут у меня лодинка. – И Игорь показал над правой бровью маленькую темненькую точку.

– А у меня лодинки нет, – развел руками Илья.

Дима взерошил волосы сыновьям и нежно поцеловал каждого в лоб.

В дверь позвонили: это был Сева с пакетами из «Макдоналдса».

Дима положил их на стол и сказал:

– Давайте поедим, пока горячее!

И стал разбирать: достал из пакетов гамбургеры, картошку, молочные коктейли и кока-колу.

Затем взял два бургера и сел на диван к близнецам. Развернул и подал сыновьям.

Мальчики держали непонятные бутерброды и рассматривали со всех сторон, иногда поглядывая на Алену.

– Ну? – не понял Дима. – Чего не едите?

Он посмотрел на Сашку, который даже не подъехал на кресле к столу.

– Саш, остынет!

Игорь поднес то, что было у него в руках, к носу и понюхал.

Только сейчас Дима понял: они не знают, что такое бургеры.

– Ни разу не пробовали?

Сашка замотал головой, близнецы продолжали рассматривать булку с котлетой.

– Это «Макдоналдс», он уже года три как открылся в Москве, не слышали?

Сашка опять замотал головой.

– Ну ладно, не важно, Саш, Алена, берите и кушайте. Вам понравится!

Алена подошла к столу, взяла один сверток, развернула и подала Сашке. Тот рассмотрел его со всех сторон и откусил.

Близнецы последовали примеру брата и тоже решили попробовать. Их глаза засветились от неожиданных вкусовых ощущений.

– Вкусно! – воскликнул Илья.

– Угу. – Игорь жадно откусывал и, не прожевывая, сглатывал.

– Не спешите, погодите, я дам вам молочный коктейль.

Дима встал с дивана, взял два пластиковых стакана, всунул в них по трубочке и передал сыновьям. Но у мальчиков руки были заняты, и тогда он протянул им стаканы, а они склонились, каждый над своим, и потянули из трубочек.

Смотреть на весь этот обед было больно. Его дети были в его мире словно Маугли. Но Дима понимал, что винить в этом он мог только себя.

Чуть позже в квартиру стали заносить коробки с вещами.

– Они пропахли гарью, – вздохнул Дима и обратился к Алене: – Но ты перебери, что действительно надо, и постирай – там есть машинка-автомат. Остальное выкинь, детям я куплю новую одежду.

Спать легли рано. Отец увидел, что сыновей клонит ко сну, понес их в большую спальню, раздел до трусиков и уложил в постель. Алена разместила Сашку в одной из комнат, а сама, когда Дима уже ушел, легла с близнецами в хозяйской спальне.

Мальчишки сопели рядом, а она лежала, уткнувшись носом в подушку, которая была пропитана запахом Димы, и сходила с ума от переполнявших эмоций: он был совсем рядом, не выгнал, оставил с детьми и будет заботиться. Могла ли она мечтать об этом когда-то? Нет, не могла. И сейчас не станет мечтать, что он вдруг ее полюбит и они начнут жить настоящей семьей. Она гнала от себя эти мысли, но они все равно вкрадчиво накатывали волной, впивались в сознание и растворялись в сладкой неге, вместе с запахом его волос на подушке.

Утром Дима принес пакеты с продуктами и представил Алене домработницу:

– Мария Сергеевна. Она будет убирать, готовить вам еду и помогать.

Алена хотела возразить, что ей не нужна домработница, что она сама прекрасно справится и с детьми, и с хозяйством, но это было не предложение с его стороны, а приказ.

Он ушел, а Мария Сергеевна с явным пренебрежением посмотрела на Алену, брезгливо взглянула на Сашку и только близнецам улыбнулась, но улыбка вышла дежурной.

В обед пришел какой-то мужик и спросил Алену, где и как нужно повесить на потолке веревки с кольцами. Они вместе с Сашкой помогли ему подобрать длину. Сын был очень рад, что его привычный образ жизни будет и тут, на этой квартире. Алена устроилась в одной из спален: разложила книги по полкам, протерев каждую тряпочкой, привела в порядок свою печатную машинку, потом перебрала вещи.

На следующий день Дима поменял большую двуспальную кровать на две небольшие кровати. Позже принес пакеты с детской одеждой: такой красоты Алена не видела никогда! Особенно ей понравились яркие красные дутые комбинезоны и сапожки на толстой платформе. Такая же красная куртка была и для Сашки.

У нее защемило сердце от нежности. «Какой же он все-таки замечательный человек!» – подумала она.

Дима пришел в офис к обеду. Давид уже сидел за столом и работал. Друг даже не поздоровался с Димой. Такого не случалось никогда, и он решил с ним поговорить. Подошел и встал у его стола:

– Дава, перестань на меня дуться!

– Дуются шарики на параде! – грубо бросил Давид. – А я просто не хочу тебя видеть. Ты... ты... – Давид открывал рот и хватал воздух, он злился на друга и не знал, как высказать ему все то, что накипело.

– Что я? Бракованный? Да, Дава. Да! Ты это уже мне сказал, спасибо, я знаю. Тебе легко говорить: тебя растили в любви и заботе, ты не знаешь, каково это – вместо обеда получить костылем в пах, а вместо ужина – мокрой тряпкой по морде! А постель делить с крысами и комарами на колючем сене.

Давид вскочил и вытянул руку вперед:

– Да, меня любили, но ты не можешь все валить на несчастную судьбу, голодное и испорченное детство. Мы с тобой уехали из города в восемнадцать. Тебе скоро сорок. Что ты делал двадцать лет? Почему не взял свою судьбу в руки и не стал счастливым? Никто не мешал тебе. Да, ты не можешь изменить прошлое, но ты можешь изменить настоящее и будущее. Ты можешь дать своим мальчикам то, чего не было у тебя, – отцовскую любовь!

– И дам! – закричал Дима. – Я сделаю для них все! Они ни в чем не будут нуждаться! Я их окружу и вниманием, и любовью!

– Ты ударил их мать, и они это видели, такой любовью ты собираешься их окружить, да?

– А что я должен был сделать?! – закричал Дима.

– Подойти, обнять и успокоить!

– Не могу я! Не могу я подойти и обнять. Не люблю я ее, мне противно, неужели ты не понимаешь? Вот ты ненавидишь змей, и, если я скажу: подойди, обними, погладь, что ты будешь делать? Сможешь?

Давид задумался, потер нос ладонью.

– За что так ненавидеть? Что она тебе сделала?

– Да откуда я знаю, почему у меня к ней такие чувства? Вот просто... так есть... и я ничего не могу с этим поделать. Да, пощечина была грубой... – Дима замолчал, с трудом сглаживая воспоминания. – Просто она выла так же, как моя мать. Ты этого, наверное, уже не помнишь...

Дима тяжело дышал, в глазах стояли слезы.

– Помню.

Давид подошел и обнял друга. Потом сел и произнес:

– Все, забыли, проехали.

Дима облегченно выдохнул.

Любовь не радуется неправде, а сорадуется истине

Последующие три месяца жизнь Алены превратилась в ад.

Дом, в котором жила Алена с детьми, признали аварийным, но никто даже не подумал о расселении жильцов. Обещали, но очень туманно. Дима сказал, что решит этот вопрос чуть позже, когда найдет подходы к нужным людям, а пока велел не беспокоиться и жить у него. Но Алена понимала, что уже никогда не вернется к себе на Остоженку. Пожар, как потом было установлено, случился на втором этаже, где жила бабулька Варвара Михайловна. Она зажгла гирлянды на елке и вместе с елкой и огоньками отправилась на тот свет. Между вторым и третьим этажами сгорели все деревянные балки, и дом практически разрушился.

В квартире Димы обстановка была еще хуже: Мария Сергеевна Алену унижала, как только могла, а Сашку презирала и даже не скрывала этого.

Алена опять почувствовала себя маленькой девочкой, когда мама таскала ее за волосы, оскорбляла и закрывала в кладовке. Только вместо мамы сейчас была Мария Сергеевна, а вместо чулана – шестикомнатные хоромы.

Сейчас все свободное время Алена проводила в квартире Сашки: поклеила светлые обои, купила новый массажный стол и принимала там клиенток. Деньги собирались очень быстро, ведь она вообще не тратилась ни на продукты, ни на одежду для детей.

Дима заказал у агента Кирилла полное расписание Алены: ему необходимо было знать, где она, чем занимается, как развлекается. Хотя интуитивно он догадывался, что из развлечений у нее только дети по вечерам.

Через неделю Кирилл доложил:

– Оставляет детей в садике, идет в свой подвал, потом совершает пробежку: бегают к набережной и обратно. Затем возвращается и принимает клиенток. Моя помощница ходит к ней на массаж два раза в неделю, вот копия ежедневника на ближайшие дни. Все часы расписаны с десяти утра до пяти вечера. Потом забирает мальчиков и идет домой. Вчера до работы была на почте, сделала денежный перевод. К сожалению, сумму и адрес добыть не удалось. Могу продолжить следить и буду подготовлен в следующий раз, если еще один перевод будет, конечно. Да, вчера еще ходила к себе в тот дом, который сгорел, проверила почтовый ящик. Тут я тоже оплошал и не знаю, что за почту она забрала. Буду теперь каждый день отслеживать.

Дима протянул Кириллу деньги:

– И про перевод обязательно узнай. Это тебе и твоей помощнице, пусть продолжает к ней ходить. Возможно, даже три раза в неделю.

Сам же Дима приходил ближе к восьми, до самой ночи сидел с сыновьями: играл с ними в войнушку с пистолетами, ремонтировал с Игорем старую радиоточку, рисовал в альбоме с Ильей, пел песенки, читал книги и стихи. Он получал огромное удовольствие от общения с мальчиками и с каждым днем привязывался к ним все сильнее.

Алене же Дима только кивал при встрече или говорил холодное «Привет».

Хамское поведение домработницы сильно досаждало Алене, и она решила попросить помощи у Димы. Она подошла к нему в коридоре, когда он уже уходил, и спросила:

– Можно как-нибудь сделать так, чтобы я сама прибирала в доме?..

Дима сразу вспыхнул:

– Чем ты недовольна? Тебя обслуживают, выполняют все твои капризы. Что тебе еще надо? Это моя квартира! И я буду решать, кто будет чем здесь заниматься, – и вышел, громко хлопнув дверью.

Почти сразу он пожалел, конечно же, о том, что нагрубил Алене, даже не дослушав ее толком. Долго не мог заснуть и на следующий день решил поговорить с Сашкой.

Вечерами тот почти все время отсиживался в своей комнате и не общался с Димой. Он не испытывал к нему отвращения, просто интуитивно понимал, что Дима сделал Алене больно и виноват перед ней. И поэтому они живут в его шикарной квартире и едят такие продукты, которые он видел, только когда его бабушка была жива. Да и мешать общению с близнецами не хотел. Он чувствовал себя лишним.

Отец уложил спать сыновей и постучался в комнату Сашки:

– Привет. Как ты? – спросил он и зашел.

Сашка сидел у включенного торшера и читал книгу.

– Здравствуйте! – Он не ожидал, что Дима когда-то зайдет к нему и поинтересуется его самочувствием.

Мальчик был так явно растерян, что Диму это смутило, и он поспешно спросил:

– Как ты освоился на новом месте? Тебе тут нравится?

– Нет, – тихо ответил тот и отвел серые глаза, – мне на той квартире нравилось больше.

– Почему? Я вроде все установил для тебя. Нужно что-то еще?

Сашка мотал головой и прятал глаза.

Дима опустил на корточки и дотронулся до его руки:

– Ну что? Ну, скажи мне, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы чувствовали себя как дома, чтобы вам всем было хорошо.

Мальчик вздохнул, посмотрел на дверь, которую Дима оставил открытой, и колебался.

Дима быстро встал, закрыл ее и опять опустил на корточки.

– Мария Сергеевна обижает Алenu, постоянно учит, ругает, вчера даже обозвала и ее, и мальчиков. Алена все время рыдает, – прошептал Сашка.

Дима опешил:

– Ты серьезно? О боже!

Он встал, сунул руки в карманы, сделал пару шагов вправо, влево, потом пообещал:

– Я все улажу. Дай мне пару дней!

Сашкино лицо просветлело, он захлопал длинными ресницами, стараясь не заплакать.

Диме стало его нестерпимо жалко и захотелось еще что-то сделать для него. И для своих сыновей. И для Алены.

Он направился домой к Давиду. Тот уже укладывался спать.

– Я увольняю твою Марию Сергеевну! – со злостью произнес Дима, когда закрыл за собой дверь.

Друг остолбенел:

– Ты чего? Она на нас пять лет пашет, ни разу не подводила!

– Сашка говорит, что она обзывает Алenu, унижает ее, та рыдает целыми днями.

Давид изменился в лице.

– Странно... Мария Сергеевна? Она так на тетю мою похожа и кажется мне таким ангелом!

– Хочешь сказать, что Сашка врет?

Давид почесал щетину, задумался, постучал пальцами по двери.

– Не думаю. Проходи, чего встал.

Он сел в гостиной на диван, Дима расположился рядом и предложил:

– Я камеру установлю. И все сразу станет ясно.

– Подлю это...

– Почему? Моя квартира, что хочу, то и делаю. Но не в этом дело. Надо ведь разобраться...

– Сашка постоянно в квартире, если увидит – догадается.

– Я решу этот вопрос. Утром ты говоришь своему ангелу, чтобы у тебя делала генеральную уборку, потому что приедут гости. Алена утром уйдет в подвал работать, мальчишки в садике, Сашку я возьму на себя.

– Договорились!

– Спасибо, друг! – Он похлопал Давида по плечу.

Наутро Дима дал указания Николаю, где установить камеры в квартире: одну в гостиной, чтобы был обзор всей комнаты и кухни, другую в спальне Алены. Сам же собирался прогуляться с мальчиком, пока Николай будет работать.

Сашка сидел в коляске у окна и читал книгу.

– Здравствуйте, дядя Дима. – Мальчик улыбнулся уголками губ.

– Саш, как я не люблю, когда меня дядей называют, ты бы знал. Давай просто Дима и на ты. – Он протянул Сашке ладонь.

Сашка пожал и уже улыбнулся по-настоящему.

– Тебе не надоело сидеть дома? На улице весна всюю!

Мальчик удивленно повел плечами и развел руками, указывая на инвалидную коляску.

– Давай прогуляемся?

Сашка замотал головой:

– Алена ругаться будет. Холодно еще на улице, и тут такие ступеньки узкие, она пыталась меня вывезти, но не смогла.

– Ступеньки беру на себя, а маме мы не скажем.

– Догадается. Коляска будет грязная, колеса...

– Мы все вытрем, помоем, не переживай.

В глазах подростка читалось огромное желание прогуляться, и поэтому он так жалобно посмотрел на мужчину, что Диме стало стыдно. Но он быстро пришел в себя, набрал телефон водителя и приказал:

– Валера, поднимись ко мне, нужна помощь, – и, уже обращаясь к Сашке, добавил: – Так, давай одеваться.

Когда открыл входную дверь, Валера уже ждал.

– Шапку! – вспомнил Сашка.

Дима схватил головной убор неопределенного цвета, покрутил в руках, вздыхая, и подал подростку.

Они выкатили коляску на площадку, с двух сторон с Валерой подняли и понесли по ступенькам вниз.

Прохладный, но уже пахнувший весной воздух коснулся Сашкиных щек. Он радостно вдохнул, задрал голову и уставился в голубое небо.

Дима взялся за ручки коляски и повез ее. Мальчик жадно смотрел по сторонам, разглядывая деревья, дома, прохожих. Дима чувствовал себя самой подлой тварью на свете, бесчувственным чурбаном, ведь он совершал эту прогулку не потому, что хотел сделать мальчику приятное, а потому, что ему нужно было избавиться от людей в квартире.

Они вышли на Арбат, и Сашка обомлел: много людей, они все бежали куда-то, спешили. Справа и слева расположились художники, которые стали наперебой предлагать Диме «нарисовать вашего мальчика», дальше по дороге люди продавали плакаты, матрешки, военную форму и какую-то символику. Дима подкатил туда, подросток уставился на витрину со значками и дотронулся до красной звездочки:

– Это значок октябренька! Я знаю! Читал недавно.

Дима достал портмоне:

– Выбирай еще, что хочешь!

– Нет-нет, вы что, дядя Дима, мне ничего не надо.

– Я не дядя, – грубо выпалил Дима, но потом очень быстро смягчился, дотронулся до щеки мальчика и добавил: – Мы же договорились с тобой, ну ты чего? Давай, бери еще.

– Не могу, – огорчился тот, – Алена увидит, спросит, а этот значок я буду носить в кармане.

Дима заплатил за красную звездочку, и они поехали дальше.

Прогулка заняла чуть больше часа. За это время Николай выполнил всю работу.

Когда вернулись, Дима лично вымыл и вытер колеса на коляске и незаметно проверил установку скрытых камер, не наследил ли его специалист. Нет, все было чисто. Камеру, даже зная, где она находится, рассмотреть было практически невозможно. Он вернулся к Сашке.

– Щеки у тебя горят, – с улыбкой заметил он, – надеюсь, мама не скоро придет.

– После пяти. Я успею остыть, этот румянец после холодного воздуха. Спасибо вам большое, – Сашка запнулся, – спасибо тебе большое, Дима, я давно так долго не гулял.

В соседней квартире Николай закончил свою работу: подсоединил все провода к нужной аппаратуре и стоял довольный – ждал следующих указаний.

– Спасибо, Коля, дальше я сам разберусь.

Проводив Николая, он завалился на диван. Прележал, глядя в потолок, полчаса, потом сел проверять камеры на мониторе: вся аппаратура работала прекрасно.

На экране он увидел Сашку, который хрустел яблоком, улыбнулся и набрал Давида:

– Я все закончил. Сил идти в офис нет. Приходи ко мне после пяти? Посмотрим на нашего ангела Марию Сергеевну. Сашка не врет, я в этом мальчишке уверен на миллион процентов.

– Хорошо, Димон, буду. Хавчик заказать?

– Да, возьми что-нибудь. Я уже голодный как черт.

Потом он набрал водителя:

– Валера, езжай, купи продукты детям, все по списку, который я тебе дал.

А сам опять упал на диван и уставился в потолок.

Через пару часов он увидел на экране, как в квартиру зашел Валера с пакетами, а за ним сразу Алена с сыновьями. Валера, оставив пакеты, попрощался и ушел, а Алена начала разбирать продукты. Она рассматривала коробки и свертки, складывала сначала на стол, потом распределяла, что куда: в холодильник или в шкафчики. Мальчишки убежали в свою комнату, а Сашка сидел за учебниками, делал уроки.

Вдруг она замерла, достав небольшую золотистую упаковку. Сашка это заметил и спросил:

– Что это?

– Халва! – восторженно ответила она.

– Круто! Твое любимое лакомство! Давай, пробуй, чего ждешь?

Алена как-то неуверенно раскрыла золотистую фольгу, отрезала ножиком небольшой кусочек и положила в рот. Прикрыв глаза от удовольствия, она сказала:

– Кайф! Я забыла, когда в последний раз ела ее. Обожаю! – Она взяла еще один маленький кусочек и поднесла ко рту.

Сашка рассмеялся, она спросила:

– Будешь?

– Нет, ты же знаешь, я не по сладкому.

– Это не сладкое! – улыбнулась она. – Это хал-ва или, по-другому, кайф!

Дима смотрел в монитор и улыбался. Потом подумал о том, что они не выглядят несчастными: смеются, веселятся, полностью освоились в квартире, и им тут явно хорошо. Странно, неужели Сашка все придумал?

В дверь позвонили – это был Давид с двумя пиццами и кока-колой.

– Будем травиться! – показал он на еду.

– А почему бы и нет? – согласился Дима, взял кусок еще горячей пиццы и откусил.

– Как они? – поинтересовался Давид и кивнул на монитор.

– Пока прекрасно. Не вижу, чтобы кто-то из них страдал, – вздохнул Дима.

На экране показалась фигура Марии Сергеевны. Она практически вбежала в квартиру, сразу направилась на кухню и стала доставать продукты, чтобы приготовить ужин.

Алена с Сашей в это же мгновение исчезли.

– Ну, обстановка накаленная, – прожевав кусок пиццы, сделал выводы Давид.

Друзья доели свой ужин, расположились в креслах и болтали: о работе, о сотрудниках, о ближайших поездках и планах, пока не услышали грозный голос Марии Сергеевны:

– Всем кушать! Остывает.

Домработница накрыла на стол. Она так часто делала для Давида и Димы, когда тем не хотелось ехать в ресторан или клуб по вечерам.

Она с радостью им прислуживала, постоянно интересовалась, что они предпочитают, и всегда пыталась угодить. Такая заботливая, предупредительная, друзья порой чувствовали себя неловко.

Все уселись за стол, где их ждала готовая еда. Мария Сергеевна плюхнулась на стул и тоже стала себе накладывать.

Друзья переглянулись, но промолчали.

Она положила себе пару ложек каши и две котлеты.

– Чего ждем? – грозно спросила она.

Дима громко вздохнул. Давид смотрел на экран не отрываясь.

Алена взяла блюдо с кашей и стала раскладывать по тарелкам: сначала себе, потом Сашке, потом посмотрела на близнецов, на домработницу и положила мальчикам по ложке. Передала детям котлеты.

Игорь нанизал котлету на вилку и откусил. Илья взял котлету рукой.

– Кто вас учил есть руками? Вы из леса пришли? Вилку возьми! – грубо крикнула Мария Сергеевна.

Дима встал с кресла, гнев накатывал на него волнами. Давид тоже разнервничался.

– Кашу почему не едите? – громко поинтересовалась Мария Сергеевна.

– Они не любят пшенку, – виновато отвела глаза Алена.

– Потому что вы кузькину мать не знаете! Нам пшенка выжить помогла! Мне и моей сестре. А вы, нахалы, на нее рот кривите. Быстро взяли ложки в руки и слизали с тарелки все до зернышка.

Дима закрыл руками лицо:

– Дава, держи меня, пожалуйста, а не то я ее сейчас убью.

Давид подошел к другу и приобнял его:

– Сейчас все решим, успокойся, пожалуйста. Давай отключим это? Все же ясно.

В это время Мария Сергеевна подошла к Сашке и встала над ним:

– Быстро, я сказала.

Алена не выдержала, взяла с тарелки две котлеты и завернула в салфетку. Подбежав к Сашке, выкатила кресло и повезла его в спальню. Как только Алена ушла, домработница стукнула по столу, угрожая близнецам, и указала на кашу. Илья испуганно поискал мать глазами и, не найдя поддержки, подцепил ложкой желтую крупу и засунул в рот. Через пару секунд он начал давиться, каша стала вываливаться на тарелку.

Давид резко выдернул кабель из розетки и перегородил путь Диме.

– Подумай сейчас о том, как ты объяснишь Алене и этой... – он немного запнулся, но все же произнес: – Суке, что мы ее выгоняем. Она уж точно догадается, что из-за Алены. И не факт, что не будет ее доставать и преследовать.

– Урою эту гадину на хрен!

– Давай по-умному все делать. Уволим. Но не сейчас.

– А когда? Когда она их до ручки доведет?

– Нет. Завтра ее уже не будет. Скажу, чтобы убирала только у меня и к вам ни ногой. А ты с Аленой поговори сегодня и сделай так, чтобы она тебя сама попросила убрать эту гримзу. Так будет правдоподобно.

– Да. Наверное...

И Дима появился в их квартире не ближе к восьми, как обычно, а немного раньше, сразу после того, как Мария Сергеевна ушла. Сыновья выбежали его встречать. Он схватил обоих под мышки и закружил. Они смеялись, хватались за него и радостно кричали: «Папа, еще».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.